

*Дженнифер,
которая всегда
приводит меня домой*

Периарей

«Флаг великолепный, поднятый высоко...»

— Команда «Ориона» желает всем вам на Земле счастливого и благополучного Дня Независимости. По правилам безопасности нам здесь нельзя устраивать фейерверки, но мы хотим, чтобы все знали: мы не забыли, что этот день означает для Америки.

— Совершенно верно, Блейн. И здесь, на «Орионе», у нас два повода для праздника. Сегодня мы прошли орбиту Луны. Сегодня мы можем официально заявить, что улетели дальше, чем кто-либо за всю историю человечества.

— США! США!

— Это бортиженер Али Динвари держит флаг, который мы уже через несколько месяцев установим на Марсе. Рядом со мной врач экспедиции Блейн Уилсон. Он следит за нашим здоровьем...

— Давай, давай! Еще двенадцать минут — и получишь хот-дог!

— Блейн жестко нас контролирует, но это правильно... Вы видите, астронавт-исследователь Джулия Обрадор машет камере с тренажера. Мы должны тренироваться по два часа в день, потому что на «Орионе» нет силы тяжести. Нам нужно поддерживать костно-мышечную систему в хорошем состоянии, чтобы,

Дэвид Веллингтон

попав на Марс, мы смогли бы по нему ходить, а не ползать.

— Ты забыла представиться, Салли.

— Точно! Спасибо, что напомнил, Блейн. Я — Салли Дженсен, командир корабля...

— Станешь первой женщиной, которая ступит на Марс, ага-ага!

— Говорит командир корабля «Орион-6». Сейчас мы закончим этот праздничный пир из хот-догов и фруктового пунша и снова вернемся к работе, но мы не могли не воспользоваться моментом, чтобы сказать Америке — и всей Земле — что мы...

«...и да мирно реешь ты всегда!..»

— ... держим курс прямо в направлении исторического шага по красной почве Марса. Хорошего праздника всем вам!

— О'кей, «Орион». Переходим на штатную связь. Отличная работа! Журналисты улыбаются, а это добрый знак.

— Спасибо, Хьюстон.

Капитан Дженсен повернулась к своим товарищам и подняла большой палец.

— Все в норме, — сказал дежурный центра управления. — Хотя... у меня сообщение. Похоже, Джулия забросила свои соцсети. Не забывайте: вам всем нужно отправлять посты не реже трех раз в день. Если на Земле не получают от вас регулярных сообщений, то начинают тревожиться за вашу психику. Это плохо выглядит.

— Обрадор! — повысила голос Дженсен.

— Я исправлюсь, просто... — отозвалась Джулия. — Господи! Можно, я уже сойду с этой штуки?

Блейн гаденько усмехнулся:

— Еще девять минут.

Однако Дженсен покачала головой, дескать, пора работать.

— Ладно, все. И об ИнстаЧате можешь забыть, у нас есть дело. Уилсон, ничего не хочу слышать... Хьюстон, это Дженсен. Вы нашли причину тех странных показаний, о которых я докладывала? У меня на пульте так и горит индикатор продувочного давления в шестом баке посадочного модуля.

— «Орион», мы считаем, что это отказ датчика. Все системы на этом этапе полета отключены. Команды на продувку не было, так что нет никаких причин для тревожного сигнала. Все остальное в порядке, так что это наверняка глюк.

— Красный сигнал появился сразу после того, как мы перешли на другую орбиту. Мне он не нравится, Хьюстон. Может, это паранойя, но...

— Ты командуешь. Сама решай, что тебе делать.

Дженсен обвела взглядом свою команду. Астронавты выглядели отлично, разве что немного возбудились из-за возможности отправить привет родному дому, пусть и в записи.

— Сейчас подходящий момент для проверки. Запрашиваю разрешение на выход в космос, чтобы все увидеть своими глазами. Даете отмашку?

— Выход разрешен. Только аккуратно.

— Принято, Хьюстон.

САЛЛИ ДЖЕНСЕН, АСТРОНАВТ. Это что, всерьез? Я не хочу говорить о том дне. Я... ОК, ОК. Тогда НАСА постоянно требовало от нас пресс-релизов и выступлений. То есть — непрерывно. На программу «Орион» тратились миллиарды, и боссы в Управлении считали, что должны постоянно доказывать американским налогоплательщикам,

Дэвид Веллингтон

что не напрасно потратили их денежки. Нас хотели сделать рок-звездами, телевизионными знаменитостями. Мне это совершенно не нравилось. Господи. Можно мне минутку? Одну минутку, собраться... Вам надо понять вот что: тот День Независимости, 4 июля 2034 года, был худшим днем моей жизни.

Втискиваться в скафандр в тесноте кабины то еще развлечение, семь потов сойдет, а ведь еще предстояло пробраться через гибкий шлюз. В конце концов Дженсен совсем запыхалась. Жилой, и по совместительству, рабочий отсек представлял собой семнадцатиметровый надувной цилиндр с двойными гибкими стенками, между которыми циркулировал бортовой запас воды. Она обогревала или охлаждала кабину, в зависимости от потребности, и обеспечивала защиту от космических лучей, но из-за нее модуль трепыхался и прогибался, если его касались, словно водяная постель — и потому не казался особенно надежным.

Шлюзом служила длинная матерчатая труба, по которой приходилось медленно ползти, тщательно рассчитывая каждое движение, чтобы не зацепить тонкие стенки металлическими деталями скафандра. Достаточно небольшого разрыва, и выход в космос придется отложить. Дженсен все-таки удалось выкарабкаться из модуля, после чего она помогла Джулии — астронавту-исследователю. Лицо Обрадор за поликарбонатным забралом было белым, как мел, а на лбу блестели капельки пота. Она нервно засмеялась и вцепилась в корабль так, словно боялась с него свалиться. Ее можно было понять. Одно дело отрабатывать выход на тренажерах, другое — оказаться в

реальном открытом космосе, тем более — так далеко от Земли. Дженсен похлопала ее по плечу, успокаивая.

Командиру и самой было не по себе. Куда ни глянь, вокруг ничего, кроме Вселенной — пустой и темной. Дженсен с трудом справилась с головокружением. Это совсем не похоже на те ощущения, что она испытывала во время подготовки к полету на станции «Ворота Дальнего Космоса». Командир не сразу поняла почему, а когда догадалась — легче не стало. Пустота, окружающая ее со всех сторон, никуда не делась. Любой астронавт готов к тому, что в пространстве не существует ни верха, ни низа — по крайней мере, технически.

Однако человеческий мозг настолько привык к наличию притяжения, что поневоле ищет если не физическую, то хотя бы психологическую точку опоры. В невесомости очень важно привязаться к какому-нибудь ориентиру. На околоземной орбите отовсюду видна громадная, ослепительно-прекрасная Земля, и не столь уж важно, под ногами она или над головой. Главное — вот он дом, рядом. На пятнадцатый день полета родная планета все еще выглядела крупнее и ярче любой звезды, но находилась уже так далеко, что уже не могла обеспечить психологической поддержки. У Дженсен закружилась голова из-за того, что ее мозг отчаянно пытался найти точку опоры — и не находил ее.

— Главное, за что-нибудь ухватиться, — напутствовала она напарницу. — Ухватиться и не выпускать из рук. Поняла?

В шлеме собственный голос Дженсен звучал тихо и невыразительно, словно она слышала себя по радио или это кто-то другой давал ей добрый совет. Она посмотрела на «Орион», и обрела какую-никакую

точку опоры. Корабль состоял из четырех модулей, и каждый имел свое назначение. В техническом находился главный двигатель и запас топлива. К нему был пристыкован конический командный модуль — единственный отсек корабля, которому предстояло вернуться на Землю после завершения миссии. Длинный жилой, он же рабочий, модуль был окутан изолирующим покрывалом из простеганной серебристой ткани, сверкающей на солнце, а венчал сборку нацеленный прямо на Марс сферический посадочный модуль, опоры которого торчали, словно усики насекомого.

Когда посадочный отсек «Ориона» коснется этими опорами красной марсианской пыли, в нем и придется тесниться двум астронавтам, обреченным целых четырнадцать дней собирать образцы пород и фиксировать метеорологические данные. Дженсен страшно гордилась тем, что станет одним из этих счастливиц. Правда, до этого оставалось еще несколько месяцев полета. И если она сейчас не сумеет обнаружить причину, незатухающий красный глазок тревожного сигнала всю дорогу будет действовать ей на нервы. Нет уж, лучше сразу с этим разобраться.

— Перемещайся перехватом, чтобы одна рука всегда была занята, — посоветовала она Джулии, двигаясь вдоль округлого борта жилого отсека. — Потихонечку, не торопясь...

Торопиться и впрямь не следовало — командир всегда помнила об этом. Если двигаться слишком быстро — можно сорваться с корпуса корабля. Далеко не улетишь, только — на длину страховочного фала, но испытывать себя таким образом не стоит.

— Поняла, — ответила Обрадор.

Приемник в шлеме шипел и фыркал. Обычные радиопомехи, реликтовое излучение, пронзающее Космос почти со скоростью света. Если закрыть глаза, то можно увидеть зеленые огненные колеса, вращающиеся под веками. Под этим невидимым ливнем энергии астронавт все равно что голый, но это не опасно, если провести за бортом меньше часа.

— Уилсон, открой посадочный модуль, — приказала командир. — Нужно, чтобы ты заглянул внутрь и помог мне обнаружить проблему.

— Принято, — откликнулся врач.

— А мне что делать? — спросил Динвари.

— Плыви в командный отсек и пристегнись, — распорядилась Дженсен.

Присутствие бортинженера в командном модуле было своего рода перестраховкой. Да, оттуда он сможет следить за телеметрией скафандров своих коллег, находящихся вне корабля, и — в случае необходимости — управлять «Орионом», но все же его присутствие там было уступкой требованиям Хьюстона — в НАСА обожают меры безопасности.

— Я не вижу никаких повреждений на наружной оболочке корабля. Это хорошо. Обрадор, ты как?

— Все нормально, — отозвалась Обрадор. — Думаешь, тут проблема с контактами? Шины, которая соединяет... посадочный модуль... и...

В голосе Обрадор ясно слышалась усталость. Любое движение в скафандре утомляло. Конечно, в свободном полете он невесом, но масса его остается прежней, и приходится ее преодолевать.

— Не пытайся разговаривать, — откликнулась командир. — Экономь дыхалку для подъема.

— Думала, будут... звезды, — проговорила Обрадор, игнорируя ее совет.

Дженсен посмотрела на угольное небо вокруг — сплошное покрывало черного бархата, которое порой казалось таким близким, что грозило задушить, а порой создавало впечатление, будто висишь над бездонной пропастью.

— Звезд здесь не видно по той же причине, по которой ты их не видишь на Земле днем, — сказала она. — Солнечный свет их затмевает.

Судорога усталости сковала мышцы Дженсен, и она на мгновение замерла — способная только дышать. Придя в себя, командир снова начала продвигаться вперед, почти поравнявшись со спускаемым аппаратом.

— Блейн, ты уже открыл передний шлюз?

— Почти, — отозвался Блейн. — Выравниваю давление между спускаемым модулем и жилым отсеком. Быстро не получается.

— Не спеши, — сказала она ему. — Так... я уже у шестого топливного бака. Начинаю визуальный осмотр.

Широкая полоса металла охватывала спускаемый аппарат в месте его соединения с жилым отсеком. Топливные баки были подвешены к нему, словно ожерелье из колокольчиков, и каждый окружало переплетение труб и проводов. Система заправки спускаемого аппарата отделена от главной топливной сети «Ориона», она будет использована только тогда, когда модуль стартует с поверхности Марса. Воспламененный гидразин вернет астронавтов на околомарсианскую орбиту, где спускаемый аппарат снова состыкуется с жилым отсеком и командным модулем. Пока же топливоподача в нем была перекрыта. Поэтому она вообще не должна была отражаться на командирском пульте, не говоря уже о том, чтобы сигнализировать о потере давления. Вот что странно...

Со своего места Дженсен видела почти все баки, и выглядели они нормально. Остальные заслоняла тень от больших солнечных батарей «Ориона» — и, конечно же, именно в их числе оказался номер шестой. Она со вздохом включила фонарь, закрепленный на шлеме.

— Уилсон, как у нас там дела? Мне надо, чтобы ты открыл панель проверки ИДГ.

— Э-э... — протянул Уилсон. — Что такое ИДГ?

— Индикатор давления топлива, — пояснила командир. В НАСА обожали аббревиатуры, и приходилось их заучивать наизусть. — Датчики показывают, что в этом топливном баке упало давление, что совершенно непонятно. Тебе нужно открыть панель и проверить контакты, чтобы убедиться, что отказал не датчик. Внутри панели должна быть схема, показывающая, как все должно выглядеть. Просто убедись, что все контакты соответствуют схеме.

— Я сейчас в посадочном модуле, — сказал он. — Я машу рукой: ты меня видишь?

Дженсен была слишком далеко от крошечных иллюминаторов посадочного модуля, чтобы заглянуть внутрь.

— Обо мне не беспокойся, у меня тут своя работа. Я...

Она замолчала — перехватило дыхание.

— Босс? — окликнула ее Обрадор.

Дженсен облизала внезапно пересохшие губы.

Дела были плохи. Бак номер шесть треснул. Огромная неровная дыра образовалась в том месте, где он соединялся с модулем. Может, в бак попал микрометеор, а может — фрагмент космического мусора. В любом случае выглядел он так, словно его прострелили из винтовки. И это было еще не все. Вокруг повреждения натекла лужа — дрожащая масса жидкого гидразина,